
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ

Наталья Квасникова
(г. Москва)

СКАЗАНИЕ о «МОСКОВСКОМ ПАРНАСЕ»

Очевидно, в какой-то неудобный момент наша российская культура оступилась и упала, ударив лицом в грязь. Люди осатанели, на разные лады проповедуя распущенность всех видов и сортов, чеканный профиль эгоизма явил себя эмблемой нового времени. Откровенная беззастенчивая пошлость присвоила себе имя современного искусства. Везувий, извергнувшийся в начале нашей эры, по молодости лет, на Помпею тонны пепла и лавы, выглядит просто резвящимся младенцем по сравнению с неистовым потоком морального разложения, в котором до сих пор захлебывается культура России. Стихийное бедствие, длящееся до сих пор, и, хотя скорости его несколько уменьшились, остановки не просматривается даже на горизонте. Достаточно вспомнить, как филологи громогласно объявляли грамотность и правила орфографии русского языка пережитком прошлого (нетрудно заметить, что в английском, французском и прочих наречиях никогда не вставал вопрос об упразднении законов правописания); кампанию по борьбе с буквой «Ё», в случае победы которой слова «совершенный» и «совершённый» сравнялись бы по смыслу, а именно — у нас не осталось бы ничего совершенного; защиту диссертации о нецензурных выражениях, осуществленную, страшно выговорить, — женщиной! — которой по природному назначению требуется оставаться защитницей и берегиней чистоты слова и дела. К сожалению, в этот смрадный поток, поплыв по течению, влились многие известные, авторитетные печатные издания. Как клопы, начали множиться геростраты и геростратики от литературы и искусства.

В этот непростой период родился «Московский Парнас». Под его знаменем объединились люди, сохранившие истинное уважение к родному языку, к своей стране, к русскому народу. Культура обязана быть высока и самобытна, иначе ее просто нет, и остаются только дурновкусие и жалкое подражательство, пресмыкающиеся перед чуждым образом жизни, подобно тому, как забросить собственное сельское хозяйство и задорого скупать объедки зерна и мяса у иностранцев.

Наш Творческий клуб состоит из тех, кто держит круговую оборону против искусственного низведения родной литературы до уровня площадной брани, полутюремного жаргона и вырождения ее исключительно в примитивно-развлекательную отрасль, где активно развиваются только два жанра — детектив и триллер, а поэзия

превращена в рекламное или непристойно-натуралистическое рифмачество, и вопрос об обязанности автора «глаголом жечь сердца людей» оказывается где-то на задворках. Однако становится все заметнее тенденция к выздоровлению от этой опасной болезни. До полной оскомины накушавшись «дикой современщины», читатель снова ищет в стихах и прозе возможности мыслить, ощущать себя личностью, радоваться неисчерпаемым возможностям русского слова. Свидетельство тому — растущий интерес к журналу «Московский Парнас» и всем изданиям, сотрудничающим с нами, поскольку они разделяют наше глубокое уважение к родной литературе. Не все авторы одинаково высокопрофессиональны, но каждый из них чувствует потребность выступить в защиту интеллектуально-нравственных языковых накоплений. Номера наших журналов и, конечно, книги, изданные под эгидой «Московского Парнаса», не застаиваются на полках библиотек, пользуясь неизменно возрастающим спросом заинтересованных читателей, авторские выступления собирают чуткую и внимательную аудиторию. Есть среди нас и те, кто способен не только поэтически оформить свои чувства и мысли, но и преподнести их слушателю под звуки гитары или рояля. Песни и романсы в исполнении Михаила Морозова, Светланы Шиманской и многих других членов нашего Творческого клуба пользуются особой любовью и успехом.

Энтузиасты «Московского Парнаса»,— и прежде всего Леонид Васильевич Ханбеков, председатель и заинтересованный, чуткий критик, прозаики Ирина Кедрова, Алексей Яшин, по «совместительству» главный редактор «Приокских зорь», поэт Ольга Пономарева-Шаховская и т. д. не только ищут и поддерживают новые таланты, но также проводят активную работу, возвращая читателю произведения незаслуженно забытых авторов. Пример тому — выпуск в 2007 году биографического очерка о замечательном поэте Игоре Жданове (1937—2005). Эта книга Л. Ханбекова вышла в серии «Созвездие России» под красноречивым и горьким названием «Проворонило время меня...». По ее следам в 2008 году был выпущен сборник стихотворений Жданова «Все живое».

Забвение подобного рода недопустимо, в конечном итоге проигрывает прежде всего не забытый автор, а обедняется язык, русская литература утрачивает часть того прекрасного, чем она могла бы гордиться. Если научно-техническое открытие раньше или позже неизбежно будет сделано, не тем, так другим ученым, то находки в поэзии, прозе, изобразительном искусстве теряются при этом безвозвратно.

Деятельность наша очень разнообразна. Библиотеки многих городов и малых населенных пунктов России, ближнего и дальнего зарубежья регулярно получают от нас свежие номера журналов и экземпляры книг авторов «Московского Парнаса» и о них. Наши поэты и прозаики поддерживают связь с историко-краеведческими и литературными музеями, выступают перед малыми и большими читательскими аудиториями, публикуют свои произведения в различных изданиях. Многие из нас руководят литературными объединениями в различных городах России, к примеру, прозаик Тамара Булевич, лауреат «Московского Парнаса» за 2007 год, награждена Золотой медалью Константина Симонова,— успешно работает с юными авторами в Красноярске, Роман Тишковский, член Академии российской литературы, опекает пишущих жителей города Химки Московской области.

Седьмой год мы, «Московский Парнас», существуем и растем. К нам приходят люди с творческим именем и новички, молодежь и иные возрастные категории. Под нашим крылом оперяются литераторы, певцы, художники. Радушно встречаем мы иностранных авторов из Болгарии, Канады, Австралии и т. д., которые болеют душой за сохранение общечеловеческих ценностей и творческих традиций.

...А еще мы рады, что установились дружеские взаимоотношения с журналом «Приокские зори» — на высоком уровне взаимной информационной поддержки обмена содержимым «редакционных портфелей»

ПЕРВОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ: КРАТКО О НОВЫХ КНИГАХ АЛЕКСЕЯ ЯШИНА

Владимир Сапожников
(г. Тула)

НОВОЮРСКОЕ ОТКРЫТИЕ РОМАНИСТА АЛЕКСЕЯ ЯШИНА

Новый философский роман* известного русского прозаика Алексея Афанасьевича Яшина «Любовь новоюрского периода» «зажигает» читателя с первых страниц с одной стороны жизнеописательной явью происходящих в объемном произведении событий, с другой стороны — смысловой напряженностью подписей-эссе к интересным иллюстрациям.

Главные персонажи романа: Геннадий, Светлана, Евгений, Наташа, и, конечно, Лера и другие — живут суматошной, беспорядочной, порой диковатой с точки зрения традиционной морали жизнью, движимые в большей степени не разумом, а эмоциями, чувствами, а точнее даже — инстинктами.

Да, так жили и продолжают жить в это непростое время многие наши соотечественники. Все сцены в основном тексте романа Алексея Яшина представлены великолепным, неповторимым яшинским языком. Читаешь, и ощущаешь запах кожи на шее Наташи, безоглядно отдающейся чувствам в объятиях Геннадия... В первых главах романа мне привиделось что-то исходящее от бунинских «Темных аллей»... Может, только привиделось, а на самом деле это все, конечно, неповторимое, яркое, яшинское... Как тут не подумать — да, мы живем, пока любим... Дешевый портвейн, далекая музыка из охрипших стерео горбачевско-ельцинского смутного времени, какая-то повседневная работа, школа, производство — все это наветное, вторичное по сравнению с главным — острым чувством любви, тяготением к самому прекрасному, что есть на нашей брэнной земле — к ее величеству женщине!

Можно долго обсуждать великолепные эссе из всех времен, значимые для всех времен, иллюстрации к ним, украшающие прекрасно изданную книгу Алексея Яшина. Но я думаю, не это главное. Главное, что мы можем констатировать и поздравить Алексея Афанасьевича, русскую литературу, российского читателя с рождением и изданием действительно замечательного, современного, полновесного романа, наполненного не только глубокими размышлениями о нашей нынешней и прошлой жизни, но и блестящей экспрессией, порой по-русски перехлестывающих через край чувствами... Чувств истинных, свойственных человеку с его изъянами и достоинствами. Местами этот роман написан белыми стихами. Как у Ивана Бунина... О том же... Но о других временах...

* Яшин А. А. Любовь новоюрского периода: Философский роман в 3-х частях с эпилогом / Предисл. Л. В. Ханбекова: Петровская академия наук и искусств. Независимое литературное агентство «Московский Парнас». — М.: «Московский Парнас», 2009. — 712 с., илл. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

Тамара Булевич
(г. Красноярск)

ЛЮБОВЬ И КАПИТАН

Благодаря нашему альманаху «Московский Парнас», познакомилась с интересными, мудрыми романами «Подводная лодка «Капитан Старосельцев» и «Любовь новоюрского периода». Романы непростые, с глубокой жизненной философией героев, интеллектуально насыщенные, неторопливо, но требовательно втягивающие внимание читателя из строки в строку и терпеливо ожидающие от него духовного и душевного взаимопроникновения, понимания. Диалога! До конца понять Ваши строчные и подстрочные размышления мне во многом помог очерк о Вас Л. В. Ханбекова «Тульский энциклопедист». Да, энциклопедист. Точнее не скажешь.

Понятно, что авторские идеи романов не коснутся обугленных душ сильных мира сего, коим они послужили бы неплохим уроком. Но где там! Их мысли далеки и конкретно, пристрастно привязаны к одному: побольше нахапать, наворовать у страны и народа никогда не принадлежавшие им богатства земли российской, а после... да хоть потоп! Бескрылые, отягощенные златом нувориши ползут-расползаются по Куршевелям, замкам и виллам, где выстилаются ими — для себя же любимых — золотые дорожки в ад. Но ад их ждет позже, а сейчас... полный беспредел для падших душ и греховной плоти. Разве такие поймут автора? Профессоров Старосельцева или Красилина? Никогда! Они для них — явление за пределами осознания реалий. Прочитав романы, могут разве что грязно усмехнуться. И только. Сегодня их время.

Мудрый атеист Старосельцев скажет: «...кару человечество время от времени навлекает на себя за свои же грехи своими же деяниями». Они и есть короста на человечестве. Дай-то Бог, скоро отболит и отпадет прахом...

Ваши романы будут трудны для понимания сегодняшнему, ничему не внемлющему поколению, потерявшему себя в предательски растерзанной стране... Не беда! Только бы хватило им мужества прочесть.

И прав критик Леонид Васильевич Ханбеков, утверждая, что все-таки «суммарный интеллект культуры, науки, морали и нравственности... есть величина неделимая для народа, социума, всей планеты Земли».

...Время истории скоротечно. Придут другие поколения. Обязательно с новой философией устройства общественной и социально-нравственной жизни. Для них, как знаковый выстрел в далекое будущее авторской философии, идей по устройству общества, и написан Ваш второй роман «Любовь новоюрского периода». Сложные, с глубокой многогранной жизненной философией герои, не бездумные, но размышляющие, активно действующие.

Главная идея романов — сбережение народной духовности, самоутверждение и самодостаточность духа каждого человека, живущего на земле. Это же несут в себе герои романа. Они, как и автор — очень мне было заметно — хотят побыстрее вылупиться из уже порядком протухшего новоюрского яйца, поскорее смыть с тела и ду-

ши налипшую и зудящую грязь, начать жить в новом времени и с новыми социально-нравственными ценностями.

Для свершения этой жизненно важной цели очень старается Красилин и другие герои новоюрского периода. Профессор Красилин, плюс ко всему, жизнелюбивый и авантюрный, не лишенный и мужских амбиций, но одержимый не болтовней-словоблудием, а конкретными повседневными делами двигать историю человечества вперед.

Зарождается новая Россия! Она непременно воспарит из пожарищ, пепла и духовного забвения. Грядут поколения тех, кого Вы, Алексей Афанасьевич, по своей доброте, щедрости, таланту и размаху русскому уже премного «зачали» своими жизнеутверждающими романами.

Сердцем чувствовала Ваше «перепутье». И то, как сейчас все мы задыхаемся в смуте наших непростых, зачастую, откровенно ядовитых буден. И то, как хочется Вам и героям романов, профессорам Старосельцеву и Красилину, поскорее увидеть обновленное свежей порослью — новым Племенем — здоровеющее, мудрующее человечество.

Искреннее спасибо за таких разных профессоров Старосельцева и Красилина. Но они оба обаятельны и настолько реалистичны, что порой казалось, вот-вот заговорят со мною «вживую»! Я влюбилась-таки в них!

И еще спасибо за четко обозначенный свет в конце тоннеля, за Ваше горящее факелом авторское сердце!

В своем ярком, язвительно сочном бытописании, языковой палитре Вы так близки в своих романах к любимым мною классикам: Гоголю, Салтыкову-Щедрину, Некрасову.

Ваши романы поочередно, с большим интересом и положительными откликами прочитаны многими моими друзьями — красноярцами.

Это Ваша, Алексей Афанасьевич, победа, по-настоящему новое явление — высокая планка! — в современной российской литературе.

Наталья Квасникова

(г. Москва)

«ДА-А, ЖИЗНЬ У НАС КИПИТ...»

Мы свой мир ухитрились устроить так, чтобы нам было над чем посмеяться. В самом деле, если все вдруг станет разумно и целесообразно, человечество непременно вымрет со скуки. Представьте, — чиновник с первого раза выдает ордер на квартиру тому, кто в ней действительно нуждается, даже не поинтересовавшись, сколько бедолага зарабатывает. И взятку не просит за выполнение служебных обязанностей! На конкурсе с многоценным призовым фондом побеждает никому неизвестный настоящий талант, и за кулисами его даже не просят вернуть полученную им премию! Ветеран труда изначально проживает в лучших условиях, чем обуза для общества со связями и деньгами! Войн, конечно, тогда уже не будет, а, значит, число льготников уменьшится на благо государства.

Ребята, это страшно даже вообразить. Куда мы денем наших сатириков? Нельзя отвыкать от абсурда, иначе смысл сказанного ими исчезнет! Впрочем, в ближайший миллион лет нам, очевидно, ничего подобного не грозит, и потому смело читайте остроумную, едкую книгу Алексея Яшина «Без руля и без ветрил». Ее название на-

помнит каждому, какой способ передвижения по жизни предпочтителен для цивилизованного человека. Не дикари же мы, в самом деле! Богатый русский язык позволяет замаскировать отчетливый алчный эгоизм кружевной дымкой словесного хитросплетения. Алексей Яшин словно открывает выставку подлинных фотографий нашей действительности. В лицах, предстающих перед нами, не хочется узнавать собственные черты, но делать нечего! Уж очень знакомо глядят эти нефотогеничные физиономии.

Многие из нас легко соблазнились новыми перестроечными лозунгами, ведь устоявшаяся, размеренная жизнь так утомительна! Теперь же — другое дело. По этому поводу читаем у Яшина: «Да-а, жизнь у нас кипит... Женщина... обычно рядовая бухгалтерша в сиротском бюджетном учреждении, восторгается: дескать, как скверно мы жили при коммуниках? — Выстоишь очередь, купишь десять кило колбасы и булочки и холодильник под завязку набьешь. Зато сейчас, хоть и дорого все, но безо всякой очереди подойдешь к прилавку и купишь граммов сто колбаски к празднику...» Пожалуй, с этой особой трудно не согласиться, ведь когда еды много, вкуса уже не ощущаешь. Новый порядок вернул русскому человеку завидную возможность утонченного — до последних пределов — наслаждения процессом приема пищи. Ради такого счастья пожертвовать можно многим. Неясно только, почему гайдаровский почин привился быстрее гитлеровского — вероятно, дело в родной почве и более подходящем климате.

Замечательный снимок сделал автор с современного чиновника — выразительный, сочный. Поглядеть бы на того, кто позировал, правда, я сомневаюсь, что оригинал дал на это свое согласие. Скорее, использовалась скрытая камера. Взгляните-ка! «Чиновник, берущий «барашка в бумажке», фигура, привычная в нашем отечестве... сейчас — ни слова обличения, самое главное, ни сверху, ни снизу (!)... И правители, и народ рассуждают здраво и в духе времени... поскольку у сплюсченного чиновника только взятка есть форма грабежа и продажи Родины, то это... молчаливо признано де-факто и почти что де-юре». Очевидно, любовь к деньгам возникает с первого взгляда, во всяком случае, в наше время. Похоже, многих людей опоили из заколдованной Тристановой чаши, только глядели они в момент распития экзотической жидкости не на красавицу или красавца, а на пачку «зеленых», которую зловерный виночерпий держал в свободной руке. И Яшин тут как тут со своим фотоаппаратом! Поймал в объектив забандитившихся сограждан, при наступлении новой эпохи легко смахнувших с молодецких плеч опостылевшее бремя закона, а затем...

«У бандита век короток... Действительно, у него только два пути: в могилу на очередной «стрелке» и в благонамеренные... граждане: предприниматели, депутаты, банкиры, ...городские головы и губернаторы... то уже... уважаемый в обществе человек...» Выразительный и беспощадный портрет современного руководителя. Неудивительно, что наша культура, как ртутный столбик термометра, опустилась почти до нулевой отметки — ясно, что ее подогревает! Разухабистый тюремный жаргон, площадной диалект хлынули на улицы населенных пунктов, подобно крепкому навозу, проевшему стенки своего отстойника. Рыба — она, конечно, с головы загнивает, но упомянутый, как в песне поется, «шарообразный предмет» должен содержать достаточно мозга, чтобы хотя перед широкой общественностью не слишком ретиво ударять в грязь лицом. А то во лбу зажжется фонарь и мигает маяком: «Мало мозгу!», как будто этот факт и без подсветки не очевиден. «Сейчас социальный заказ остался только для запиаренных столичных сочинителей детективов, фантастик и глянцевого порнороманов». Конечно, наши городские и прочие головы поддерживают исключительно собственный культурный уровень.

Представляя женскую половину человечества, с особым интересом осматриваю галерею дамских образов на этой замечательной выставке. «Было бы удивительным,

если в час волка женщины оставались теми же милыми девушками с идеалами..., ...женщинами — ласковыми матерями и любящими женами... Но женщина, как и ребенок, есть... отпечаток реальной жизни: меняется уклад последней — изменяется и женщина..., становится волчицей, воспитывает волчат-детей...» Если еще берет на себя этот труд, а то просто выбрасывает новорожденного младенца, и хорошо, если не в мусорный контейнер. По-видимому, пора уже присваивать звание матери-героини той, которая хотя бы доставила собственное чадо к дверям ближайшего Дома ребенка или больницы.

Не обошел автор своим вниманием и вопросы женской моды нашего времени. Пресловутый объектив его виртуального фотоаппарата зафиксировал, причем со вспышкой, кардинальные изменения в понятии красоты, связанные, вероятно, с прогрессирующим выпрямлением части извилин в мозгах некоторых особей обоих полов. В этом повинна, я полагаю, нестабильность солнечной активности конца XX — начала XXI веков, многократно упомянутая астрономами всего мира.

Давно «уже... все женское население страны в возрасте от детсадовского до балзаковского с мая по октябрь щеголяет в одеждах с декольте на пупке, хотя это анти-санитарно, неприлично и вредно для здоровья. Да еще эти пупки прокалывают под блестящие висюльки».

Указанному явлению, кроме астрономического, можно, пожалуй, предложить и объяснение с политическим уклоном — давние, вошедшие в привычку дружеские, культурные и экономические связи с Индией. Там, правда, несколько иной климат, но известно, что теплые отношения преодолевают любые границы, в том числе температурные.

А вот портрет в полтора стандартных роста европейца. Бо-ольшой человек на нем изображен. Знакомьтесь, — это «областной олигарх М.», глубоко интересуется науками. Недавно «...затребовал лучшего специалиста... в части гироскопов, ... за это обещал отремонтировать один из... корпусов» университета, в коем трудится на педагогической ниве искомая мировая знаменитость соответствующего профиля. Какая же консультация понадобилась благородному уму денежного мешка? «Да так... заинтересовался работой игрушки-волчка сына, просил доходчиво объяснить...»

Завершая на этой, несомненно, оптимистической ноте обход выставки портретов сверхтипичных представителей современной России, хочу добавить, что несется наш корабль к неизвестной, затянутой плотным туманом дали «без руля и без ветрил», по произволу слепоглухонемой команды, занятой дележом на ощупь всех попадающихся под руки предметов. На кой им нужны будут эти побрякушки, когда судно разобьется о незамеченные ими скалы, неизвестно, но убедить их в ошибочности выбранного курса довольно затруднительно, так как они не желают добровольно передавать полномочия запертым в трюме бывшим товарищам, зрячим и разумным.

Гораздо увлекательней лупить друг друга по всем доступным для кулака местам, сгребать под себя части общего достояния и почесываться от ударов конкурентов, не веря, что итоговый барыш от таких способов обогащения по объективным и непреложным законам природы равен абсолютному нулю.

Ирина Кедрова
(г. Москва)

МАРИНА ЦВЕТАЕВА И ЧЕХИЯ

Прозаик и драматург. Член Союза писателей России и Творческого клуба «Московский Парнас». Зав. отделом критики «Приокских зорь».

Марина Ивановна Цветаева широко известна, признана значительным явлением российской жизни и самобытным поэтом. Именно поэтом она себя называла. Писала в одном из писем: «не "поэтесса" (слово для меня полупочтенное) — а поэт» [2, с. 387].

В Чехии М. Цветаева жила с августа 1922 по октябрь 1925 года. Уточним: три года и три месяца прожиты ею в этой стране.

Как повлияла на поэта удивительная земля, в естестве которой сложились история средневековой Европы, влияние мировых революционных событий, удивительная природа и душевная щедрость народа?

Какой была жизнь русской эмигрантки, пережившей жестокие и голодные годы молодой советской России, смерть младшей дочери Ирины, бегство из страны Советов в надежде на воссоединение с мужем?

Какой вообще могла быть жизнь за пределами привычного и любимого, теперь же утерянного мира? И почему именно Чехия оказалась избранной для проживания?

Очевидно, на выбор страны повлияло решение правительства образованной в 1918 году Чешской республики. Правительство Томаша Масарика объявило о выплате стипендий-пособий эмигрантам из России, не сумевшим, из-за революционных событий в стране, получить университетское образование. Сергей Яковлевич Эфрон поступил на философский факультет Пражского университета, а 1 августа 1922 года к нему приехала М. Цветаева с дочерью Ариадной.

Тяжелым было, полагаем мы, первое впечатление от предоставленного университетом жилья. Это была одна из многих комнатушек студенческого общежития. Стены не доставали до потолка, потому все происходившее у соседей становилось известным всем обитателям общежития. Уединиться невозможно, и это значило, что невозможно было ни обдумать стих, ни поразмыслить в тиши, ни расположиться за письменным столом, много значимым для М. Цветаевой. Об этом столе она писала позже, в 1933 году:

*Мой письменный верный стол!
Спасибо за то, что шел
Со мною по всем путям.
Меня охранял — как шрам. [5, с. 37].*

Для письменного стола и места не было, поскольку в трехметровой комнатухе могла уместиться лишь узкая кровать.

Вид из окна тоже не радовал: фабричные трубы и пустыри вызвали острое гнетущее чувство:

*Труба! Труба! Лбв искаженных
Последнее: еще мы тут!
Какая на-смерть осужденность
В той жалобе последних труб! [4, с. 221].*

Заниматься науками в такой каморке, наверное, было можно, и С. Эфрон много читал, готовился к учебным занятиям и к экзаменам, а еще писал. Писал, например, статьи для студенческого журнала, недвусмысленно называвшегося «Своими путями», а также книгу «Записки добровольца», переживая заново свой путь в Белое движение. С. Эфрон вынужден был смириться с предоставленными ему бытовыми условиями, однако семейная жизнь в таких условиях оказалась невозможной, потому стали искать другое жилье.

В Праге снять приличную комнату для трех человек оказалось не по карману, и М. Цветаева с дочерью перебралась в пригород: жила в Мокропсах (Горних и Дольних), в Новых дворах, Иловицах, Вшенорах. Как много названий деревень! Видно, искала Марина Ивановна такое место, где могла бы душой успокоиться, «стол» установить, стихи творить, да мужа поджидать, который по-прежнему обитал в студенческом общежитии, навещая семью время от времени.

Безденежная деревенская жизнь требовала нескончаемого физического труда: приносить воду из колодца, собирать в лесу хворост, топить печь, готовить, стирать, мыть полы, штопать и зашивать поношенную одежду. Однако женщина, обладавшая огромной внутренней силой, не только мирилась с нищенским бытом, но и находила в его тягости новые темы и поэтическое вдохновение.

В Чехии она заявила о себе как о значительном поэте. Наверное, здешний воздух способствовал творческому порыву. Умение отключиться от тягостей жизни спасало и направляло к стихотворчеству. Писала постоянно, в любых условиях. Уже через несколько дней после приезда в Чехию родился цикл «Сивилла».

В основу цикла положена история дряхлой Сивиллы, рассказанная Публием Овидием в «Метаморфозах» (книга 14-я). Сивилла отказалась от дара вечной юности, предлагаемого божественным Фебом за ее девственность и любовь. Великий римлянин вложил в уста своей героини слова, захватившие когда-то М. Цветаеву:

*...Видна я не буду, но голос
Будут один узнавать,— ибо голос мне судьбы оставят.*

В этих словах М. Цветаева услышала то, что доказывала своим творчеством: поэт не может молчать ни при каких обстоятельствах. И в стихах, сложившихся у нее по приезде в Чехию, было заявлено:

*Сивилла: вещая! Сивилла: свод!
Так Благовещенье свершилось в тот
Час нестареющий, так в седость трав
Бренная девственность, пещерой став
Дивному голосу... [4, с. 209].*

Как воспринять эти строки? У каждого читателя — свое понимание. Мы услышали в них несомненное: сила голоса и слова, данная поэту, не будет растрочена напрасно, не будет держаться в тайне, ждать разрешения на проявление. Она есть, и она действует.

В Чехии М. Цветаева выпустила две большие статьи.

Статья «Кедр: Апология» посвящена творчеству Сергея Михайловича Волконского. Анна Александровна Саакянц, исследователь творчества и жизни М. Цветаевой, обнаружила духовную связь двух представителей разных поколений. Она отме-

чала, что С. Волконский для М. Цветаевой — «Вергилий, поводырь в удушливом лабиринте жизни, в угнетающем ее быте, высвободитель, "катализатор" духовности» [1, с. 334—337]. Да и сама М. Цветаева пишет: «Итак, кн. Волконского я смело могу назвать — учителем жизни» [2, с. 277]. Стойкость героя Апологии передана уже в названии статьи, поскольку кедр — зимостойкое и долговечное дерево, с оздоровительными свойствами, благоприятными для обитания зверей и птиц.

В статье «Герой труда», написанной после смерти Валерия Яковлевича Брюсова, М. Цветаева размышляла над судьбой и личностью поэта. Отмечала, что герой ее строк — человек уникальный, обладающий энциклопедическими знаниями и величайшей трудоспособностью. «По рождению русский целиком, он являет собою загадку. Такого второго случая в русской лирике не было: застегнутый наглухо поэт» [2, с. 123]. Размышляя о творчестве В. Брюсова, его отношении к жизни, литературе, людям, она говорила об уникальности любой личности, вставшей на путь поэта. Подчеркивала: поэт одаренный Божьей милостью,— «творец стихов, и, что гораздо важнее, творец творца в себе» [2, с. 126].

В Чехии написаны: «Поэма Горы», «Поэма Конца», «Крысолов», трагедия «Ариадна». Завершена поэма «Молодец», сложившаяся на мотивах народной сказки «Упырь».

Трагична любовь Молодца и Маруси. Описана она сочным русским языком, который горячо любила и по которому тосковала М. Цветаева, находясь в эмиграции.

*Отпусти-ка меня, мать,
С подружками погулять,
Ленку тонкого попрясть,
Здоровьца порастрасть.*

*Заспались уж очень-то
Под камнем — руда!
— Гуляй, гуляй, доченька,
Пока молода! [4, с. 124].*

Звучит в поэме тема невозможной в земных условиях любви: Молодцу нельзя любить девушку, потому что он — упырь, нежить. Однако, что в жизни не случается? Он любит. А любовь его — колдовская. Молодец — любящий злодей, сочетающий в себе ангельское и дьявольское естество.

Маруся тоже любит. Ей невозможно отказаться от сильного чувства, даже ценою гибели брата, матери, своей собственной. Ей вовек не избавиться от запретной любви:

*— Час да наш,
Ад мой ал!
К самой чашечке
Припал.*

*— Конец твоим рудам!
Гудом, гудом, гудом!*

*— Конец твоим алым!
Жалом, жалом, жалом!*

*— Ай — жаль?
— Злей — жаль!
С дном пей!
Ай, шмель!*

*Во — весь
Свой — хмель
Пей, шмель!
Ай, шмель!*

*— Смекай, румяниста,
Всех кровинок — триста,
Держи, бережлива,
Одну на разживу:*

*Чтоб той реченькой да вспять
Было нам с чего начать. [4, с.144—145].*

Так любит женщина, готовая на все ради возлюбленного. Так любила сама М. Цветаева. Эта поэма названа ею сказкой, притчей, трагедией, а в письме к Борису Леонидовичу Пастернаку — наваждением.

Отсюда, из Чехии М. Цветаева писала Б. Пастернаку замечательные письма, в которых размышляла о несовместимости быта и бытия, о невозможности встречи двух равновеликих поэтов, о страстном желании увидеться, о любви и безмерности чувств. С ним ощущала родство душ, звала его заоблачным, вершинным братом. В письме к Александру Васильевичу Бахраху (4.10.1923) писала: «Борис Пастернак для меня святыня, это вся моя надежда».

Кроме писем были и стихи, обращенные к поэту. Среди них цикл «Провода», душою выписанный в марте 1923 года:

*Не черно книжница! В белой книге
Далей донских наострила взгляд!
Где бы ты ни был — тебя настигну,
Выстрадаю — и верну назад.*

*Ибо с гордыни своей, как с кедра,
Мир озираю: плывут суда,
Зарева рыщут... Морские недра
Выворочу — и верну со дна!*

*Перестрадай же меня! Я всюду:
Зори и руды я, хлеб и вздох,
Есмь я, и буду я, и добуду
Губы — как душу добудет бог... [4, с. 246].*

М. Цветаева влюблялась и разочаровывалась. Бывало, что любовное чувство возникало заочно. Так с июля по сентябрь 1923 года развивался ее роман, в письмах и стихах, с А. Бахрахом, молодым критиком из Берлина, откликнувшимся рецензией на книгу «Ремесло». Очевидно, в тот жизненный период у женщины, ощущавшей себя в родстве с поэзией и все же желавшей быть женщиной, возникла потребность в понимании, взаимности чувств, необходимости того единственного письма, о котором можно сказать:

*Так писем не ждут,
Так ждут — письма.
Тряпичный лоскут,
Вокруг тесьма
Из клея. Внутри — слово,
И счастье.— И это — все... [4, с. 279—280].*

Она вводила молодого критика в сложный мир литературы, обсуждая с ним быт и бытие поэта, раскрывая свои мысли и чувства, будучи твердо уверенной, что тот поймет и примет. Она сама становилась богаче, обретая образ для поэтического творчества.

Поэт — особое состояние души, вечный поиск того, ради кого и о ком пишешь. Стихи написаны, и сердце успокаивается на время, а скоро вновь ищет образ чувствования, поклонения и описания.

В сентябре 1923 года М. Цветаева окунулась в иную — страстную любовь, причину которой сама и объяснила в письме к А. Бахраху (20.09.1923): «Я рванулась, другой ответил, я услышала большие слова, проще которых нет и которые я, может быть, в первый раз за жизнь слышу» [1, с. 365]. А через два дня она написала объекту своих чувств следующее признание: «Я в первый раз люблю счастливого, и может быть, в первый раз ищу счастья, а не потери, хочу взять, а не дать, быть, а не пропасть! ... я в первый раз ощутила единство неба и земли» [1, с. 366]. Константин Болеславович Родзевич — мужчина, внушивший ей страсть, которая осуществилась на земле, а не в небесах, как метко отметила А. Саакянц.

Земля и небо олицетворялись для Цветаевой в любви как две противостоящие силы, как плоть и душа, чье единство невозможно. Чешские просторы, горы и леса звали к плотской чарующей любви, наполненной женской страстью, творческим итогом которой стали две прекрасные поэмы — «Поэма Горы» и «Поэма Конца». Так слились душа и тело. Женщина достигла наивысшего понимания своей сущности.

*Любовь — это плоть и кровь,
Цвет — собственной кровью полит.
Вы думаете, любовь —
Беседовать через столик?
Часочек — и по домам?
Как те господа и дамы?
Любовь, это значит...
— Храм?
Дитя, замените шрамом
На шраме! ... [4, с. 447].*

Как относился к любовным увлечениям супруги С. Эфрон? Никто не понимал ее так, как этот человек. Никто, кроме него, не мирился с ее самобытностью и уникальностью. Никто не переживал столь остро, как он, ее печали. Разрыва между ними не произошло. Наверное, потому, что между ними сохранялась любовь, проверенная жизненными невзгодами и испытаниями, самая сильная и самая прочная. В январе 1922 года Цветаева подтвердила единение с Сергеем Эфроном в посвященном ему стихотворении:

*...Попарное звяканье
Судеб: взгляд о взгляд, грань о грань,
Очами невнятными
Одни в новогоднюю рань...
Лети, куда хочется!
На то и стрела!
Мы — вольные летчики,
Наш век — два крыла! [4, с.86].*

Потому и уехала за мужем из России в неизвестность, потому и в Чехии оказалась, и дальше за ним последовала.

Какие места и местечки Чехии любимы М. Цветаевой и близки ей?

Прежде всего, Прага, и особенно Карлов мост. Прага — «летейский» город, нежно любимый, позже постоянно вспоминаемый, в который всегда стремилась вернуться. Об этом городе написала в апреле 1923 года:

*Где сроки спутаны, где в воздух ввязан
Дом — и под номером не наяву!
Я расскажу тебе о том, как важно
В летейском городе своем живу... [4, с. 342].*

В Прагу из своих деревенских обитателей наезжала часто, по издательским делам и к друзьям. Сотрудничала с журналом «Воля России», редактор которого — Марк Львович Слоним — один из самых верных ее друзей. Сотрудники журнала доброжелательно следили за творчеством поэта. По вторникам организовывали «литературные чаи», на которых нередко бывала Марина Ивановна.

Одно время семья жила в двухэтажном доме на Шведской улице, проходившей по Смиховскому холму, воспетому в завершенной в январе 1924 года «Поэме Горы». Пражский холм в районе Смихова, как подметила А. Саакянц, явился для Цветаевой синонимом и символом любви.

*Та гора была как грудь
Рекута, снарядам сваленного.
Та гора хотела губ
Девственных, обряда свадебного
Требовала та гора...
Та гора была как гром!
Грудь, титанами разыгранная!
(Той горы последний дом
Помнишь — на исходе пригорода?)
Та гора была — миры!
Бог за мир взывает дорого!
.....
Горе началось с горы.
Та гора была над городом [4, с. 435—436].*

Любила она бывать на Карловом мосту, перекинутом через Влтаву, любовалась статуей легендарного рыцаря Брунсвика, которому посвятила стихотворение «Пражский рыцарь». Позже, живя во Франции, просила свою подругу Анну Антоновну Тескову прислать изображение статуи рыцаря, почитая Брунсвика сердцем Праги и своим ангелом-хранителем:

*Бледно-лицый
Страж над плеском века —
Рыцарь, рыцарь,
Стережущий реку...
Сласть ли, грусть ли
В ней — тебе видней,
Рыцарь, стережущий
Реку — дней [4, с. 289—290].*

Деревни, в которых проживала семья, оставили значительный след в жизни поэта. В июне 1924 года в Иловицах закончена «Поэма Конца» — одно из самых тра-

гичных переживаний женщины, расставшейся с возлюбленным. Оно наполнено противоречивым восприятием любви мужчиной и женщиной:

*Движение губ ловлю.
И знаю — не скажет первым.
Не любите? — Нет, люблю.
Не любите! — Но истерзан,
Но выпит, но изведен...
Перстов барабанный бой
Растет. (Эшафот и площадь).
— Уедем.— А я: умрем,
Надеялась. Это проще!
Достаточно дешевизн:
Рифм, рельс, номеров, вокзалов...
— Любовь, это значит: жизнь.
— Нет, иначе называлось
У древних...
— И так? —
Лоскут
Платка в кулаке, как рыба.
— Так едете? — Ваши маршруты?
Яд, рельсы, свинец — на выбор!
Смерть — и никаких устройств!
— Жизнь! — Как полководец римский,
Орлом озирая войск
Остаток
— Тогда простимся!... [4, с. 447—449].*

Для него любовь — дом, семья, жизнь, для нее — все разрушающая стихия, не совместимая с жизнью. Любят оба, но в разных измерениях, совместившихся лишь на краткий случайный миг. В любви, захватившей М. Цветаеву в Чехии, она, наверное, окончательно поняла несовместимость ее требований к земному чувству, а также невозможность обычных людей ответить на эти требования.

В сентябре 1924 года семья переехала во Вшеноры. Здесь дописывалась трагедия «Ариадна». Земную женщину полюбили Тезей, простой смертный, и бог Вакх. За Ариадну идет между ними спор.

Вакх, обладающий божественным величием, силен величием своих даров:

*Божеству ли с убожеством
Спорить? Муж скудосерд,
Что венчальным предложишь ей
Даром? Старость и смерть?
Красота и бессмертие,—
Вот в двудонном ковше
Жениха-виночерпия
Дар невесте: душе.
Дар Тезея и Вакхову
Дань — кладу на весы.
Взвесь. Ужель одинаковый
Вес?... [5, с. 434—435].*

Тезей уступает, соглашаясь не только покинуть возлюбленную, но и остаться в ее глазах предателем. Для того, чтобы та никогда его не вспоминала, чтобы Вакх унес ее в небесный мир и пересоздал:

*У моей Ариадны
Будут новые чувства... [5, с. 435].*

Философские размышления не дают поэту покоя. Свершилось предательство Тезея. Однако, предательство ли это, отказ ли от любви? Или в поступке смертного Тезея проявился высший долг человека? И почему все же Тезей и Вакх не спросили, что выберет сама Ариадна? В мире до сих пор существует порядок, заведенный небожителями:

*То ж, что рану закрашивать,
То ж, что море в сетях
Несть — у женщины спрашивать
О правах и путях [5, с. 435].*

Завершив в октябре 1924 года работу над трагедией, Марина Ивановна задалась новым, наиважнейшим для нее, вопросом:

*Женщина, что у тебя под шалью?
— Будущее! [4, с. 299].*

Во Вшенорах 1 февраля 1925 года родился Георгий. Сын, лицом походивший на мать, стал центром ее мира, ее великой гордостью. Маленький Марин Цветаев — написал о нем С. Эфрон в одном из писем.

Моравская Тшебова — еще один уголок Чехии, вызвавший к жизни яркое поэтическое слово. Это был аккуратный городок, в котором находилась гимназия, принявшая в свои стены Ариадну, Алю, как звали ее в семье. Несколько раз Марина Ивановна приезжала сюда. Здесь встречала с мужем и дочерью Новый 1924 год. Проучилась Аля в Моравской Тшебове всего два года, а затем, из-за болезни, вернулась в семью.

В гимназии, вдали от дома, девочка, может быть, впервые, получила возможность общения со сверстниками и завела себе подружек, что вызвало у ее матери беспокойство и ревность.

Благоустроенность жителей города Тшебова, материнские переживания, и, прежде всего, размышления о значении поэзии и поэта, способствовали зарождению у М. Цветаевой новой поэмы, которая и была написана в 1925 году. В этой поэме звучал авторский протест против благополучия и спокойствия, ибо они ведут к умиротворенному равнодушию, грозящему бедой. Крысолов-флейтист стал олицетворением Поэзии, крысы - благополучных мещан, которые в прошлом были храбрыми бунтарями. Жители города — гаммельнцы — ожиревшие, жадные городские богачи.

*Злость сытости! Сплев
С на-крытых столов!
Но — в том то и гвоздь!
Есть голода злость.*

*Злость тех, кто не ест:
Не ест — надоест!
Без-сильных не злось!
(Кры-синяя дробь)... [4, с. 481—482].*

Через яркое слово показана вечная борьба Поэзии и Быта: Быт не держит слово, данное Поэзии, и Поэзия мстит. Крысолов убеждает горожан отказаться от привычного порядка жизни, ведущего к ожирению и отуплению:

*Переезд!
Не жалеите насиженных мест!
Через мост!
Не жалеите насиженных гнезд! ... [4, с. 488].*

Не убедив взрослых, он уводит детей, топит их в озере, обещая им вечный рай, даря им вечное блаженство:

*На всякие нужды! на всякие вкусы!
Для мальчиков — пули, для девочек бусы.
На всякие жажды! На всякие масти!
Для мальчиков — игры, для девочек — страсти!... [4, с. 526].*

Вся неустроенность жизненного быта, неудовлетворенность делами и отношениями прорвалась в поэме «Крысолов». Однако М. Цветаева — большой поэт, потому писала не о частной неустроенности, а о развитии людского мира, в котором неустанно ведется борьба между высоким духом и застывшим благополучием.

Жизнь в Чехии была трудной, и наполненной творческим полетом мысли. М. Цветаева — поэт, активный участник литературной жизни. Она редактировала вместе с Валентином Федоровичем Булгаковым пражский альманах «Ковчег», печаталась на страницах журнала «Воля России», поддерживала выпуски журнала «Своими путями». Она — счастливая мать, хозяйка дома, на которой тот полностью держался, жена, поддерживавшая мужа в учебной и литературной деятельности.

Вместе с тем, она мечтала о более широкой читательской аудитории, о встречах с мастерами литературы. Это и привело ее к мысли о необходимости переезда во Францию. 31 октября 1925 года поезд увез Цветаеву и Эфрона с детьми из Праги в Париж.

Не только Чехия способствовала росту творчества большого поэта, но и поэт Марина Ивановна Цветаева влияла своим творчеством и активной деятельностью на развитие культурной жизни страны. Цветаева и Чехия взаимно обогащали друг друга.

В письмах к подруге Анне Антоновне Тесковой М. Цветаева неоднократно писала о своей любви к Чехии и о тоске по Праге:

«День и ночь, день и ночь думаю о Чехии. Живу с ней, в ней и ею, чувствую изнутри нее: ее лесов и сердец. Вся Чехия сейчас одно огромное человеческое сердце, бьющееся только одним: тем же, что и мое...» (24 сентября 1938 г.);

«О, как я скучаю по Праге и зачем я оттуда уехала? Думала — на две недели, а вышло — 13 лет» (24.10.1938 г.)

В 1938 году, когда по Мюнхенскому сговору Судетская область была отторгнута от Чехословакии и поделена между Германией, Венгрией и Польшей, М. Цветаева протестовала против этого события циклом стихов к Чехии, в которых раскрыла всю глубину переживаний за свободолюбивый чешский народ.

*Посерев от боли,
Стонут Влтавы воды:
Триста лет неволи,
Двадцать лет свободы.

На орлиных скалах
Как орел рассевишь —
Что с тобою случилось,
Край мой, рай мой чешский?... [5, с. 68].*

Когда в марте 1939 года фашистская Германия оккупировала Чехословакию, потрясенная событиями М. Цветаева высказала глубокую веру в свободолюбивый народ, способный собрать свои силы и освободиться от ненавистной зависимости:

*Не умрешь, народ!
Бог тебя хранит!
Сердцем дал — гранат,
Грудью дал — гранит.*

*Процветай, народ,—
Твердый, как скрижаль,
Жаркий, как гранат,
Чистый, как хрусталь [5, с. 80—81].*

Такова творческая дружба прекрасного русского поэта, проживаемого в женском обличье, и замечательной страны, богатой на историю и культуру.

Сноски и источники

1. Саакянц А. А. Марина Цветаева: Жизнь и творчество.— М.: Эллис Лак, 1997.
2. Цветаева М. И. Об искусстве.— М.: Искусство, 1991.
3. Цветаева М. И. Письма к Анне Тесковой.— М.: Внешторгиздат, 1991.
4. Цветаева М. И. Собрание стихотворений, поэм и драматических произведений: В 3 томах. Том 2.— М.: Прометей, 1990.
5. Цветаева М. И. Собрание стихотворений, поэм и драматических произведений: В 3 томах. Том 3.— М.: ПТО «Центр», 1993.

